Н.Г. Коптелова. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2009. С. 211–218.

5. Мережковский Д.С. Две тайны русской поэзии: Некрасов и Тютчев // Его же. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. М.: Сов. писатель, 1991. С. 416–482.

6. Розанов Н.П. О «новом религиозном сознании» (Мережковский и Бердяев) // Издание отдела публичных богословских чтений при Обществе Любителей Духовного Просвещения. Печатня А.И. Снегиревой. М., 1908. С. 1–35.

7. Чепкасов А.В. Неомифологизм в творчестве Д.С. Мережковского 1890–1910-х гг.: дис. … канд. филол. наук. Кемерово, 1999.

8. Чепкасов А.В. Миф и символ в критическом дискурсе Д.С. Мережковского («Две тайны русской поэзии. Некрасов и Тютчев») // Трансформация и функционирование культурных моделей в русской литературе XX века. Томск, 2002. С. 33–43.

* * *

1. Berdjaev N.A. O «dvuh tajnah» Merezhkovskogo // Ego zhe. Mutnye liki. M.: Kanon, 2004. S. 187–195.

2. Brjusov V.Ja. Razgadka ili oshibka? Neskol'ko zamechanij po povodu stat'i D.S. Merezhkovskogo o Tjutcheve // Russkaja mysl'. 1914. № 3. S. 16–19.

3. Brjusov V.Ja. F.I. Tjutchev. Smysl ego tvorchestva // Ego zhe. Sochinenija v 2 tomah. M.: Hudozh. lit., 1987. T. 2. S. 217–233.

4. Koptelova N.G. Lermontov v recepcii D.S. Merezhkovskogo (na materiale literaturno-kriticheskih rabot 90–900 godov) // Russkaja literatura XIX – XX vekov v sovremennom mire: sb. nauch. statej / nauch. red. V.V. Tihomirov; otv. red. N.G. Koptelova. Kostroma: KGU im. N. A. Nekrasova, 2009. S. 211–218.

5. Merezhkovskij D.S. Dve tajny russkoj pojezii: Nekrasov i Tjutchev // Ego zhe. V tihom omute: Stat'i i issledovanija raznyh let. M.: Sov. pisatel', 1991. S. 416–482.

6. Rozanov N.P. O «novom religioznom soznanii» (Merezhkovskij i Berdjaev) // Izdanie otdela publichnyh bogoslovskih chtenij pri Obshhestve Ljubitelej Duhovnogo Prosveshhenija. Pechatnja A.I. Snegirevoj. M., 1908. S. 1–35.

7. Chepkasov A.V. Neomifologizm v tvorchestve D.S. Merezhkovskogo 1890–1910-h gg.: dis. … kand. filol. nauk. Kemerovo, 1999.

8. Chepkasov A.V. Mif i simvol v kriticheskom diskurse D.S. Merezhkovskogo («Dve tajny russkoj pojezii. Nekrasov i Tjutchev») // Transformacija i funkcionirovanie kul'turnyh modelej v russkoj literature XX veka. Tomsk, 2002. S. 33–43.

“Two Secrets of Russian Poetry. Nekrasov and Tyutchev” by D.S. Merezhkovsky: genre and stylistic originality

The article deals with the genre and stylistic originality, compositional features of the work by D.S. Merezhkovsky “Two Secrets of Russian Poetry. Nekrasov and Tyutchev”. The critical prose essay is schematic and subjective in evaluations. Merezhkovsky is intertextual; using the method of opposition and the elements of the biography of poets, he claims the authorship of “the new word” about Nekrasov and Tyutchev, creates a wide literary historical and metaphysical context.

Key words: *essay, critical prose, schematic, subjectivity of evaluations, stylistic originality, structure and composition.*

(Статья поступила в редакцию 19.09.2017)

М.А. МЕДВЕДЕВА
(Волгоград)

ОТ ДРАМАТУРГИИ К ПРОЗЕ (НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ Р.П. КУМОВА)

На основе архивных материалов раскрываются неизвестные страницы творческой биографии Р.П. Кумова. Выявляется роль актрисы В.Ф. Комиссаржевской и писателя И.Л. Леонтьева-Щеглова в литературной судьбе донского прозаика и драматурга. Анализируется переписка Р.П. Кумова и И.Л. Леонтьева-Щеглова, которая дает возможность воссоздать творческую историю целого ряда произведений Р.П. Кумова.

Ключевые слова: *Р.П. Кумов, В.Ф. Комиссаржевская, И.Л. Леонтьев-Щеглов, творческая биография, творческая история.*

Проблема реконструкции творческой биографии Р.П. Кумова (1883–1919) – одного из самых значительных представителей донской литературы Серебряного века – является насущной задачей в изучении художественно-

© Медведева М.А., 2017

го наследия писателя. Лишь в нашем веке оно стало предметом научного внимания. Вышло два сборника избранных сочинений писателя, появились статьи о нем в литературных энциклопедических словарях и очерки, сопровождающие новые издания его литературных трудов [1; 2; 10].

Однако в творческой биографии донского писателя по-прежнему остается немало белых пятен. Свет на них могут пролить архивные материалы, хранящиеся в Институте русской литературы (Пушкинский дом) РАН (ИРЛИ). Они, в частности, позволяют воссоздать историю творческих взаимоотношений Кумова и великой русской актрисы В.Ф. Комиссаржевской.

В своей анкете, написанной в 1916 г. для одного из театральных журналов, Р.П. Кумов сообщает, что особое влияние на его творчество оказали В.Ф. Комиссаржевская и И.Л. Леонтьев-Щеглов [10, с. 258]. В письме от 20 марта 1910 г. он подробно описывает историю своего знакомства со знаменитой актрисой, блестяще исполнившей роль Нины Заречной в чеховской «Чайке». Исследователи русского театра отмечают, что В.Ф. Комиссаржевская полностью разделяла идейные и художественные установки А.П. Чехова. Сам Чехов говорил о ней: «Никто так верно, так правдиво, так глубоко не понимал меня, как Вера Федоровна… Чудесная актриса» [9, с. 20].

В 1907 г. Кумов послал Комиссаржевской, уже имевшей собственный Драматический театр, свою пьесу «Тихий свет». Вскоре начинающий драматург получил ответ от режиссера театра А.П. Зонова, в котором сообщалось, что театр не может принять пьесу, поскольку репертуар уже выработан, а также потому, что пьесу «очень трудно провести через цензуру». Однако Зонов добавляет, что «Вера Федоровна высказывает сожаление, что ничего сделать нельзя и просит присылать, если будет еще что-нибудь» [6. Л. 4].

В августе 1908 г. Кумов посылает актрисе новую пьесу «Иван Лопатин», а уже в сентябре впервые лично встречается с ней во время гастролей Драматического театра в Москве. Актриса одобрительно оценивает драматургические опыты Кумова, отмечая стремительный рост его художественного мастерства в пьесе «Иван Лопатин». Однако она сомневается в ее сценичности: «беда в том, что в пьесе много “чеховского”, и это “чеховское” совсем не для сцены. Это “чеховское” читается с волнением, оно так искренно, но на сцене его ждет провал. Это не сценично в грубом смысле этого слова. Чтобы играть самого Чехова, <…> нужен, собственно говоря, особый театр» [6. Л. 5].

И все же она выражает надежду на будущие успехи Кумова-драматурга: «Вот теперь я знаю вас немного как драматурга, и мне кажется, что вы напишете большую нужную пьесу через несколько лет» [Там же. Л. 6]. Такую пьесу Кумов и создал в 1916 г. Его драма «Конец рода Коростомысловых» получила первую премию на конкурсе А.Н. Островского и была поставлена в театрах Москвы, Петербурга и целого ряда провинциальных городов [1, с. 366].

После того как В.Ф. Комиссаржевская познакомилась с прозаическими произведениями молодого писателя, она заметила следующее: «У вас есть что-то несомненное от Чехова… Только берегите свой талант. Бросьте писать в духовных журналах» [6. Л. 12].

Примечательно, что Кумов вместе с Комиссаржевской посетил могилу А.П. Чехова. Эти воспоминания были особенно дороги писателю: «У могилы как раз никого не было. Солнце еще светило ярко, деревья стояли чуть-чуть пожелтевшие, кричали чайки. В.Ф. прошла вперед, я остановился позади. Она подошла к самой ограде, взялась руками за решетку и так долго стояла. Потом молча повернулась и пошла тихо. Мне показалось, что глаза у нее были заплаканные» [Там же. Л. 13].

Подводя итог своему рассказу о знакомстве с В.Ф. Комиссаржевской, Кумов замечает: «Писал я все, даже ее слишком добрые и сочувственные отзывы о моих писаниях, потому что каждое слово В.Ф. дорого и священно. Больше я никому не поведаю эту историю в таких деталях – слишком она нежна и возвышенна в моей душе» [Там же. Л. 15]. Донской писатель на всю жизнь сохранил уважение и сердечную привязанность к великой актрисе. Ее памяти он посвятил свой сборник «В Татьянину ночь» (1913).

Среди хранящихся в ИРЛИ архивных материалов несомненный интерес представляют письма Кумова к Б.И. Бентовину, А.А. Измайлову, В.С. Миролюбову. Однако важнейшей частью эпистолярного наследия писателя является его переписка со своим литературным наставником – И.Л. Леонтьевым-Щегловым, входившим в писательскую плеяду «спутников Чехова» [3, с. 24–30]. Молодой литератор познакомился с ним, сотрудничая с газетой «Слово», где Леонтьев был редактором литера-

турного отдела. На протяжении четырех лет – с 1907 по 1910 г. – между ними шла интенсивная творческая переписка.

И.Л. Леонтьев-Щеглов (1856–1911) пришел в русскую литературу в 1880-е гг. с повестями из армейской жизни и по праву занял одно из видных мест в «артели восьмидесятников». А.П. Чехов отмечал такие важные стороны таланта Леонтьева, как теплота, сердечность и разнообразие [3, с. 26].

Однако с середины 1890-х гг. писательский потенциал Леонтьева пошел на спад. Иссякли военная и театральная, а также дачная и курортная темы [4, с. 462]. По замечанию исследователей, «наиболее ценны в творческом наследии Щеглова правдивые зарисовки с натуры, продолжающие традиции физиологического очерка 40 гг. и документально-психологической литературы середины XIX в.» [8]. Широкую известность получили воспоминания И.Л. Леонтьева-Щеглова о Чехове, с которым он был дружен.

Следует отметить, что основным творческим ориентиром для донского писателя был именно А.П. Чехов. Поэтому сближение Кумова с И.Л. Леонтьевым-Щегловым, на наш взгляд, неслучайно: Кумов воспринимал своего литературного наставника как связующее звено между собой и Чеховым.

В письмах к Леонтьеву-Щеглову Кумов нередко размышляет о любимом писателе. Чеховская тема возникает уже в самом начале их переписки: «Мне пришлось читать Ваши воспоминания об Антоне Павловиче. Вот почему я посылаю Вам свой набросок “На могиле Чехова”» [6. Л. 6]. Свое особое понимание чеховского творчества Кумов излагает в одном из писем к Леонтьеву-Щеглову: «У меня есть думка когда-нибудь написать маленький этюд о Чехове как художнике-философе. Меня очень коробят критики, видящие в Чехове воспроизводителя известной полосы русской жизни (90-е годы). Чехов, мне кажется, больше, чем русский писатель 90-х годов, и не в 90-х годах лежит причина его скорби. Живи он сейчас, его Муза была бы гораздо скорбнее, чем в 90-ые годы. Его скорбь – евангельская, вечная скорбь души, слышавшей чудесную песню “о блаженстве безгрешных духов под кущами райских садов...” О Боге Вечном, – и потом попавшей на скучную маленькую землю» [Там же. Л. 29].

На долгое время Леонтьев-Щеглов становится главным литературным критиком и учителем Кумова. Начинающий писатель с благодарностью принимал замечания наставника: «Ваша “мораль”, как Вы называете свои указания для меня, – словно дождь на пашню: чем больше, тем лучше… И если когда-нибудь на моей пашне будут цветы и хлеб, – среди них будет жить постоянно память о благодатном милом дожде» [6. Л. 14].

В письме от 5 марта 1908 г. Кумов соглашается с Леонтьевым-Щегловым, критикующим его за субъективность: «Верно, верно, мой милый, славный учитель, – до чертиков субъективен мой последний рассказ, как, кажется, вообще субъективны и все остальные мои вещи. Я знаю, это скверно, потому что в конце концов будут неизбежные перепевы и повторения, но <…> я надеюсь отрешиться как-нибудь от своего субъективизма…» [Там же. Л. 13].

Характерно, что А.П. Чехов в одном из писем к И.Л. Леонтьеву-Щеглову, анализируя его произведения и отмечая привлекательные стороны его таланта, критикует Щеглова за писательский субъективизм: «Вы субъективны до чертиков» [11, с. 205]. Это письмо, которое было опубликовано еще при жизни Чехова, было особенно дорого для Леонтьева-Щеглова [4, с. 461].

В целом положительно оценивая творчество начинающего писателя, некоторые его произведения Леонтьев-Щеглов подвергает серьезной критике. Такая судьба постигла один из первых драматургических опытов Кумова – пьесу «Писатель», в которой он стремился изобразить «драму человека-писателя» и которую мечтал посвятить своему литературному наставнику [6. Л. 11].

Конструктивная критика Леонтьева-Щеглова заставляет молодого писателя задуматься о сущности своего литературного творчества и пересмотреть свои творческие установки: «Хотел было долго исповедоваться перед Вами, что пишу и что думаю о своем писательстве. <…> Знаете, все, что было написано мною до сих пор, было эскизно, несерьезно, пожалуй, даже перепевно, хотя и не знаю, с чьего голоса?.. Только сейчас, после Вашего последнего письма, после гибели моего “Писателя”, которого я очень любил, я понимаю, что для творчества нужно наглухо закрыть двери и остаться одному. Именно так я надеюсь работать летом над двумя большими работами, детали которых обдумываю я все это время. В этой наглухо закрытой комнате будет только один желанный гость – Вы и Ваша критика» [Там же. Л. 11–12]. Тема творчества является сквозной в переписке двух литераторов.

Еще одна важная для Кумова тема – современная русская литература. В одном из писем молодой писатель обращается к Леонтьеву-Щеглову с вопросом: «Где, в чем сейчас русская литература?». Рассуждая далее о литературной ситуации начала XX в., Кумов высказывает свое мнение о ней: «До сих пор верил, что русская литература сейчас есть, хотя и очень своеобразная по форме. Раньше, мол, был ручей светлый, отражавший небо, ворочавший колеса на человеческих мельницах, а теперь он разбился, как в водопаде, на множество мелких красивых брызг… А в настоящее время все это мне кажется какой-то бакалейной торговлей, а не литературой, и грустно, одиноко стоят в отдалении представители прошлой русской литературы, и между ними мои самые близкие и родные писатели-люди – Щеглов и Чехов» [6. Л. 15].

По убеждению Кумова, современная ему литература отказалась от роли нравственного ориентира, в связи с чем утратила свое общественное и художественное значение: «Положим, современная жизнь – фейерверк, но разве литература – пленка “Кодака”, увековечивающая только одни момент, быть может и интересный, но без связи с предшествующим и последующим, без рассмотрения глубины, без захвата души читателя? Наша литература – газета, не выше, и кто знает – современные массовые самоубийства не объясняются ли отчасти этим отсутствием авторитетного, важного руководительства в литературе?» [Там же. Л. 16].

Молодой писатель активно интересовался современным ему литературным процессом. Его характеристики и оценки литературы модернизма свидетельствуют о собственной писательской позиции: «Мне иногда представляется, что наша утонченная современная молодая теперешняя литература есть просто какое-то инстинктивное движение человеческой души в сторону от слишком бурных реальных проявлений жизни: как улитка, душа заперлась сама в себе, и вот, в результате, тонкие, прихотливые мысли, так непохожие на землю… Впрочем, я объясняю таким образом только часть нашей “молодой” литературы» [Там же. Л. 54–54 об.].

По письмам Кумова можно проследить творческую историю многих его произведений. Так, в письме от 2 сентября 1907 г. писатель сообщает И.Л. Леонтьеву-Щеглову: «По Вашему совету начал приглядываться к Москве, и знаете, что получилось и меня в записной книжке – как результат наблюдения? Контур рассказа “В колодезе” (стены домов, кусочек неба, крики торговцев, жизнь двора и какая-то особенная жизнь где-то в стороне: звон старых колоколов, старые предания, старые лица…). Кажется, это совсем не то, что хотели Вы» [6. Л. 18]. Но чуть позже Кумов напишет: «“Колодезь” не удался. Получился какой-то протокол, и я бросил» [Там же. Л. 25об.]. Однако в 1914 г. писатель вновь обращается к «московскому тексту». Очерк «Город», вошедший в сборник «Москва и ее жизнь», судя по всему, является переработкой неудавшегося в 1907 г. рассказа «В колодезе».

О том, насколько велика была роль литературного наставника в творческом развитии Р.П. Кумова, можно судить на примере истории создания повести «Лиза» (1909). Первый ее вариант в жанре рассказа писатель прислал Леонтьеву-Щеглову, однако результатом своей работы Кумов был недоволен: «Посылаю Вам свою новорожденную “Лизу” – вещицу малокровную, скороспелую, вялую» [Там же. Л. 3].

Произведение получило в целом положительную оценку Леонтьева-Щеглова, обратившего, однако, внимание автора на некоторую его незаконченность. «Но теперь, после Ваших слов, я хочу еще работать над этим рассказом. Помню, когда я писал его, у меня в душе было еще так много, что можно было бы сказать. Мне кажется, что почти весь рассказ – только контур, только намек», – писал Кумов своему наставнику [Там же. Л. 10об.].

Важно отметить, что писатель задумал «Лизу» как небольшой рассказ, переросший в результате кропотливой работы над ним в большую повесть: «В Москве мне казалось, что рассказ выйдет маленький, на несколько страничек, а когда засел за работу, только шевельнул за уголок сюжета, и посыпалась <…> такая масса деталей, описаний», – вспоминает Кумов [Там же. Л. 3–3об.].

Решившись продолжать работу над произведением, Кумов сомневается в своих творческих силах: «Смущает меня одно: рассказ разрастется, получится почти повесть, а в больших вещах я чувствую себя как малыш, надевший отцовские брюки» [Там же. Л. 10об.]. Но все же по совету наставника писатель, до этого работавший преимущественно в малых формах прозы, создает одну из лучших своих повестей, получившую признание у читателей и литературной критики.

Творческая дружба Кумова и его литературного наставника продолжалась вплоть до кончины последнего в 1911 г. В письме к А.А. Из-

майлову от 23 сентября 1911 г. Кумов с горечью пишет о ней и говорит о том, как много значил для него И.Л. Леонтьев-Щеглов: «В “Дяде Ване”, как я звал его, я потерял очень, очень много. Мне лично кажется, что “Иван Щеглов” прежде всего был в литературе праведником, а потом уже беллетристом. К сожалению, жизнь так устроена, что она больше обращает внимания на беллетристику, чем на праведность <…> Я думаю, что наша жизнь просмотрела самое важное, что было в покойном – его нежную восторженную любовь к литературе родной. “Комната Гоголя”, которую он снимал буквально на последние гроши, пушкинский реквием, письма писателей, – ведь все это сюжеты для самых высоких и трогательных поэм…» [5. Л. 9–9об.]. Последние книги И.Л. Леонтьева-Щеглова «Новое о Пушкине» (1902) и «Подвижник слова: Новые материалы о Гоголе» (1909), о которых идет речь в письме к Измайлову, стали для Кумова еще одним уроком творческого поведения писателя, посвятившего себя служению русской литературе. В своих воспоминаниях о литературном наставнике, опубликованных два года спустя, Кумов прямо назовет его своим учителем [7].

Таким образом, изучение эпистолярного наследия Р.П. Кумова позволяет по-новому увидеть процесс его вхождения в литературу, расширить круг театральных и литературных связей молодого писателя, проследить историю создания целого ряда его произведений, выявить его отношение к модернистской литературе и понимание истинной природы своего творчества.

Список литературы

1. Запевалов В.Н. Кумов Р.П. // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: биобиблиографический словарь. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. С. 364–366.
2. Заяц А.А. Кумов Р.П. // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. М.: Большая рос. энцикл., 1994. Т. 3. С. 227–229.
3. Катаев В.Б. Чехов и его литературное окружение (80-е годы XIX века) // Спутники Чехова / под ред. В.Б. Катаева. М., 1982. С. 5–45.
4. Катаев В.Б. Иван Леонтьевич Леонтьев (Щеглов) // Спутники Чехова / под ред. В.Б. Катаева. М., 1982. С. 460–465.
5. Кумов Р.П. Письма А.А. Измайлову // Институт русской литературы (Пушкинский Дом) (ИРЛИ). Ф. 115. Д. 170.
6. Кумов Р.П. Письма И.Л. Леонтьеву-Щеглову // ИРЛИ. Ф. 150. Д. 866.
7. Кумов Р.П. Подвижник слова // Исторический вестник. 1913. Т. 134. № 12. С. 1033–1038.
8. Овчарова П.И. Щеглов И.Л. // Русские писатели. Биобиблиографический словарь [Электронный ресурс]. URL: http://www.azlib.ru/s/sheglow_i_l/text_0020.shtml (дата обращения: 30.01.2016).
9. Рыбакова Ю.П. Вера Федоровна Комиссаржевская // Вера Федоровна Комиссаржевская: Письма актрисы, воспоминания о ней, материалы / ред.-сост. А.Я. Альтшуллер. Л.; М.: Искусство, 1964. С. 11–30.
10. Супрун В.И. Забытый сын донской земли // Кумов Р.П. Избранное / сост. В.И. Супрун. Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2008. С. 515–561.
11. Чехов А.П. Письмо Леонтьеву (Щеглову) И.Л., 22 февраля 1888 г. Москва // Его же. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1974–1983. Т. 2. Письма, 1887 – сентябрь 1888. М.: Наука, 1975. С. 204–205.

* * *

1. Zapevalov V.N. Kumov R.P. // Russkaja literatura XX veka. Prozaiki, pojety, dramaturgi: biobibliograficheskij slovar’. M.: OLMA-PRESS Invest, 2005. S. 364–366.
2. Zajac A.A. Kumov R.P. // Russkie pisateli 1800–1917. Biograficheskij slovar’. M.: Bol’shaja ros. jencikl., 1994. T. 3. S. 227–229.
3. Kataev V.B. Chehov i ego literaturnoe okruzhenie (80-e gody XIX veka) // Sputniki Chehova / pod red. V.B. Kataeva. M., 1982. S. 5–45.
4. Kataev V.B. Ivan Leont’evich Leont’ev (Shheglov) // Sputniki Chehova / pod red. V.B. Kataeva. M., 1982. S. 460–465.
5. Kumov R.P. Pis’ma A.A. Izmajlovu // Institut russkoj literatury (Pushkinskij Dom) (IRLI). F. 115. D. 170.
6. Kumov R.P. Pis’ma I.L. Leont’evu-Shheglovu // IRLI. F. 150. D. 866.
7. Kumov R.P. Podvizhnik slova // Istoricheskij vestnik. 1913. T. 134. № 12. S. 1033–1038.
8. Ovcharova P.I. Shheglov I.L. // Russkie pisateli. Biobibliograficheskij slovar’ [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.azlib.ru/s/sheglow_i_l/text_0020.shtml (data obrashhenija: 30.01.2016).
9. Rybakova Ju.P. Vera Fedorovna Komissarzhevskaja // Vera Fedorovna Komissarzhevskaja: Pis’ma aktrisy, vospominanija o nej, materialy / red.-sost. A.Ja. Al’tshuller. L.; M.: Iskusstvo, 1964. S. 11–30.
10. Suprun V.I. Zabytyj syn donskoj zemli // Kumov R.P. Izbrannoe / sost. V.I. Suprun. Volgograd: Izd-vo VGIPK RO, 2008. S. 515–561.
11. Chehov A.P. Pis’mo Leont’evu (Shheglovu) I.L., 22 fevralja 1888 g. Moskva // Ego zhe. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 12 t. / AN SSSR. In-t mirovoj lit. im. A. M. Gor'kogo. M.: Nauka, 1974–1983. T. 2. Pis’ma, 1887 – sentjabr’ 1888. M.: Nauka, 1975. S. 204–205.

From drama to prose (unknown pages of the biography of R.P. Kumov)

Based on the archival materials, the article deals with the unknown pages of the biography of R.P. Kumov. The author describes the role of actress V.F. Komissarzhevskaya and writer I.L. Leontyev-Shcheglov in the literary life of the Don writer and playwright. The article represents the analysis of the correspondence of R.P. Kumov and I.L. Leontyev-Shcheglov that allows reconstructing the creative history of a number of works by R.P. Kumov.

Key words: *R.P. Kumov, V.F. Komissarzhevskaya, I.L. Leontyev-Shcheglov, creative biography, creative story.*

(Статья поступила в редакцию 09.10.2017)

М.М. ОМАРОВ
(Махачкала)

ЖАНРОВОЕ МНОГООБРАЗИЕ АВАРСКОЙ ДУХОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПЕРИОД ЗАПРЕТА НА РЕЛИГИОЗНУЮ ПРОПАГАНДУ (1917–1991)

Анализируется жанровое многообразие аварской духовной литературы в период запрета на религию (1917–1991), а также роль этого многообразия в повышении нравственно-этических воззрений и поднятии социально значимых вопросов, решение которых необходимо для развития аварской культуры.

Ключевые слова: *аварская духовная литература, многообразие жанров, мавлид, марсият, турки.*

До сих пор жанровое многообразие духовной литературы аварцев до конца не исследовано. Академик Г.Г. Гамзатов отмечает, что «духовная литература должна быть изучена и оценена как объективная, неотъемлемая составная часть художественной истории и эстетического мышления народа. Не следует при этом допускать противопоставления ее так называемой светской художественной системе» [3, с. 186].

Духовная литература аварцев отражает предписания религии ислам, ее каноны и нормы, т.к. аварцы – одна из народностей Дагестана, полностью исповедующих ислам. Распространение ислама в Дагестане можно условно разделить на два периода:

– насильственный (до X в. ислам утверждался войнами);

– просветительский (велась активная разъяснительная работа ученых-богословов) [7, с. 24].

Решающую роль в окончательном укреплении ислама сыграли мирные мусульмане, которые, переселившись на земли Дагестана, принесли свою культуру и оказали влияние на жизнь местных жителей. Переселение мусульман из Алеппо, Мосула и других ближневосточных городов на дагестанские земли и расселение их среди местных жителей меняли образ мышления дагестанцев, их уклад, и постепенно исламская культура стала их образом жизни [8, с. 7].

По мере усиления позиций ислама в Дагестане получает распространение и религиозная литература – как каноническая, так и духовная. Если каноническая литература имеет свои строгие рамки и условности, за которые нельзя преступать, то духовная литература постепенно получает все большее и большее развитие. Надо отметить, что духовная литература как один из доступных способов влияния на сознание людей имела своей целью укрепление канонических догм религии, но в более легкой, понятной для народа форме и доступными методами. Богословы (алимы) Дагестана стали переводить с арабского, турецкого, персидского языков на дагестанские языки множество мавлидов [3, с. 184]. Наряду с мавлидами получили распространение и такие жанры, как назм, турки, марсият и др. В процессе исторического развития литературы усиление роли этих жанров привело к тому, что появилось еще одно направление – духовная литература. Впоследствии именно она сыграла огромную роль в сохранении исламской культуры, основ и догм ислама и способствовала их распространению среди населения. Более того, она во многом повлияла на формирование нравственных черт характера человека, на становление личности мусульманина, была ориентирована на социальные стороны общества, на призыв к справедливости, равенству, искоренению адатов.

© Омаров М.М., 2017